

Этнические аспекты внутривластной борьбы в Иране

Комментарий центра АРВАК, 11.08.2025

Аннотация

АРВАК анализирует нарастающий внутривластный конфликт в Иране, в котором традиционное противостояние между реформистскими и консервативными фракциями дополняется новым, этническим измерением. Обострение происходит на фоне военно-политического и социально-экономического кризиса, вызванного «12-дневной войной».

В комментарии утверждается, что действия президента ИРИ Масуда Пезешкиана, воспринимаемые консерваторами как излишне лояльные по отношению к Азербайджану, служат индикатором угроз теократическому режиму. Особое внимание уделяется заявлению сына президента, Юсуфа Пезешкиана, который, апеллируя к этническим тюркским корням, выступил с критикой антиазербайджанских настроений в Иране. Эти действия, наряду с дипломатическими жестами президента, рассматриваются не просто как попытки сгладить острые углы, а как лоббирование интересов этнически близкой страны, что бросает вызов иранской государственности.

Делается вывод, что Тегеран сталкивается с качественно новой формой политической борьбы, которая может привести к дестабилизации страны, если власти не смогут разрешить ее посредством гибкой политики консолидации, сочетающей внутреннюю дипломатию и силу.

Ключевые слова: Иран, внутривластный конфликт, реформисты, консерваторы, этнический фактор, Масуд Пезешкиан, Азербайджан, Иранский Азербайджан, геополитика, национализм.

1. Обострение внутрииранского конфликта: реформисты vs. консерваторы

Согласно поступающим из Ирана сведениям, в стране зреет острый внутривластный конфликт. На фоне постигшего Исламскую Республику после «12-дневной войны» военно-политического и социально-экономического кризиса вновь обострились трения между реформистами и консерваторами. Первые в основном представлены в правительстве Ирана, возглавляемом президентом Масудом Пезешкианом, одержавшим победу на выборах в июле 2024 года. Вторые составляют непосредственное окружение Верховного лидера Ирана, институциональные структуры теократической власти в стране и силовые структуры во главе с Корпусом стражей исламской революции (КСИР).

На данном этапе реформисты ИРИ почувствовали укрепление своих позиций и шанс на оформление более весомого участия в управлении страной, которого они были лишены из-за традиционно поддерживаемой консерваторами антизападной и антиизраильской доктрины, сужающей возможности страны на пути к правовым и социальным прогрессивным преобразованиям. Пезешкиан и его сторонники пытаются использовать в интересах своей фракции то обстоятельство, что радикальная позиция консерваторов привела к фактическому уничтожению выстраиваемой десятилетиями Тегераном «Оси сопротивления» на Ближнем Востоке, к разрушительной израильско-американской атаке на Иран и к упадку авторитета и роли страны в регионе. Реформисты ищут опору в новой волне недовольства иранского общества «провальными авантюрами» Тегерана в Палестине, Сирии и Ливане, в неспособности

силовых структур эффективно сдерживать военные атаки и подрывную деятельность Израиля внутри Ирана, а также в экономических и социальных проблемах, усугубившихся после июньских событий.

По сути, речь сейчас может идти не столько о намерениях реформистов получить больше инструментов влияния в стране и мандата на реализацию обширных преобразований, сколько о коренной перестройке всей системы государственности, что предполагает демонтаж правящего теократического режима. По крайней мере, консервативные силы в Иране именно так воспринимают активизацию реформистов и видят в их шагах угрозу существованию всей системы. Они склонны усматривать в поведении действующей исполнительной власти предпосылки к заговору против Исламской революции и ее ценностей. И прежде всего индикатором подобных настроений для радикальных кругов служат попытки М. Пезешкиана удержать в атмосфере лояльности взаимоотношения Тегерана и Баку, несмотря на то что Азербайджан рассматривается многими иранцами в качестве фактического участника июньской антииранской агрессии.

2. Внешнеполитические «сигналы» и недовольство консерваторов

Инсайдерские источники в Иране, ссылаясь на представителей армии и секретных служб страны, настаивают, что израильские ВВС использовали воздушное пространство Азербайджана и его военную инфраструктуру для нанесения ударов по объектам на севере ИРИ и, частично, по столице – Тегерану. На этом фоне активные контакты иранского президента и его команды с политической верхушкой Азербайджана, причем с заметными элементами заискивания перед азербайджанским лидером, вынуждают радикалов в иранских политических и военных элитах высказывать недовольство позицией президента.

Больше всего иранские радикалы были возмущены июльской поездкой М. Пезешкиана на саммит Организации экономического сотрудничества (ОЭС) в Степанакерте и его поведением, неподобающим лидеру страны. Критики Пезешкиана обвинили его в угодничестве перед И. Алиевым, который считает себя другом Б. Нетаньяху и полностью предоставил свою страну в пользование Израилю для нанесения ударов по ИРИ. Многие политики и эксперты в Иране квалифицировали эту поездку и поведение президента в ходе нее как *«позор иранской дипломатии»*. По их словам, вместо того чтобы льстить И. Алиеву и обниматься с ним на *«ничего не значащем саммите»*, разумнее было бы посетить саммит БРИКС в Рио-де-Жанейро, на котором Тегеран не был представлен на должном уровне. Были также высказаны претензии насчет того, что иранский президент в стратегических интересах страны должен был первым делом посетить Китай и, непременно, Армению, однако почему-то отдал предпочтение Азербайджану и Турции.

Вышеупомянутый инцидент, как и ряд других демонстративных жестов лояльности по отношению к Азербайджану и Турции, вынуждают иранских консерваторов не доверять правительству под руководством М. Пезешкиана. Радикалы усматривают в подобных действиях не попытки в тяжелое для Ирана время сгладить острые углы с

Баку и Анкарой, а стремление подложить «мягкую подушку» иранцам и создать условия для отказа от стратегической линии по жесткому противодействию потенциальным угрозам в регионе.

3. Этнический фактор как катализатор внутрисистемного конфликта

Можно предположить, что в интересах М. Пезешкиана было сбить волну недовольства его «проазербайджанской» политикой и с помощью нужных объяснений сбалансировать нарушившееся внутривластное равновесие. Однако после на шумевшего заявления его сына проблема только усугубилась, угрожая стране кризисом внешнеполитического разлада. 06.08.2025 года Юсуф Пезешкиан, известный подчеркнутой демонстрацией верности своим этническим тюркским корням, выступил с критикой в адрес политических кругов, *«ищущих в лице Азербайджана иранского врага»*. По убеждению Пезешкиана-младшего, Ирану следует только дружить с Азербайджаном, не обращая внимания на ложные обвинения в его участии в антииранской кампании.

Представляется странным, что Юсуф Пезешкиан заявил об отсутствии каких-либо доказательств сотрудничества Баку с Тель-Авивом в ходе «12-дневной войны», тогда как источники из иранских силовых структур уже успели предоставить СМИ множество фактов, свидетельствующих об обратном. Возможно, в иных обстоятельствах и относительно какой-либо иной тематики заявление сына президента не стало бы столь резонансным. Однако, учитывая атмосферу этнического традиционализма, в которой, по свидетельству иранских СМИ, воспитывались дети М. Пезешкиана (в его семье до сих пор воспрещается общаться на ином языке, кроме родного тюркского диалекта), высказанные Юсуфом идеи несут явный отпечаток предвзятости и этнической ангажированности. Очевидно, что М. Пезешкиан, сам придерживающийся аналогичных настроений, с учетом сложной ситуации, в которой он оказался, предпочел лично не оглашать непопулярную нынче в ИРИ идею о дружественности Азербайджана, но счел целесообразным выдвинуть этот тезис властям посредством сына – активиста борьбы за более широкие права азербайджанцев в Иране. Тон и акцентировка заявления Пезешкиана-младшего более походят не на обращение к общественности и консервативным кругам, а на упрек в адрес высшей политической власти и рекомендацию ей быть почтительно-осторожной с Баку. Также в его словах можно уловить нотки угроз, очевидно, проистекающих из весьма популярной в националистических кругах Иранского Азербайджана идеологической концепции о воссоединении иранских тюрков с соплеменниками из Южного Кавказа.

Примечательно, что после избрания М. Пезешкиана на пост президента страны проправительственные иранские СМИ касались вопроса этнической принадлежности его семьи подчеркнуто деликатно. Сам по себе факт не утаивался, однако ему не придавалось существенного значения, очевидно, учитывая тот факт, что мультинациональный состав населения Ирана полноценно отражен в военно-политических и управленческих элитах Исламской Республики. Достаточно упомянуть, что и сам Верховный лидер страны Али Хосейни Хаменеи происходит из рода

мешхедских тюрок, что, однако, не отразилось на парадигме развития нынешней иранской государственности, титульными носителями которой все же являются фарсоязычные этносы. Однако сейчас алогичные с точки зрения подлинных иранских интересов действия президента М. Пезешкиана и претенциозная риторика члена его семьи, воспитанного на примате этнического тюркского самосознания, меняют картину.

На фоне крайнего обострения геополитической ситуации вокруг Ирана и уже заметных этносоциальных брожений в стране демонстрируемая позиция семьи Пезешкиан может свидетельствовать о чем-то большем, чем частное мнение относительно тех или иных перспектив внешнеполитической деятельности во благо единого суверенного Ирана. Речь может идти о лоббировании интересов этнически близкой упомянутым выше фигурантам страны, отметившейся откровенными враждебными действиями против Исламской Республики.

4. Новые вызовы для иранской государственности

Очевидно, что Тегеран сталкивается с качественно новой формой политической борьбы элит, в которой соперничество реформистов и консерваторов уже разбавляется этническим фактором, предельно чувствительным для хрупкой, в демографическом плане, иранской государственности. Ирану брошен новый вызов, который он должен либо разрешить гибкой политикой сохранения консолидации, сочетающей внутреннюю дипломатию, ислам и силу, либо, напротив, дать волю фарсскому национализму, последствия чего, однако, могут быть не менее разрушительными для этого «ближневосточного долгожителя».